



Игорь ВЛАДИМИРОВ:

«КАК НАРИСОВАТЬ ПТИЦУ?»

Когда-то в Ленинградском театре имени Ленсовета шел молодежный спектакль «Как нарисовать птицу», название которому дала первая строка знаменитого стихотворения Жака Превера. Предваряя спектакль, на сцену выходил Игорь Владимиров и начинал взволнованный разговор о том, что каждый человек рано или поздно должен задуматься: как ему «нарисовать птицу»? То есть как сделать свой труд творчеством? Ибо нетворческих профессий не существует... Острую тему, поднятую Учителем, юные его ученики подхватывали с жаром. Чувствовалось: седой мастер и его воспитанники — единомышленники... Невольно вспоминаешь то, уже давнее, ощущение, начиная этот разговор с народным артистом СССР И. П. Владимировым.



— Игорь Петрович, судя по всему, ворчание по поводу «нынешней молодежи» вам не свойственно, ведь охотно общаетесь и работаете с молодыми — и в институте, и в театре...

— Мне было бы очень трудно жить, если бы ворчал на молодежь. Вероятно, не ошибусь, сказав, что наш театр сейчас в Ленинграде один из самых молодых: средний возраст актеров — тридцать три года... Наибольшее удовольствие получаю именно от открытия актера. Все это начинается еще в театральном институте, когда приходит совершенно неведомое тебе существо и потом постепенно, постепенно раскрывается — такая захватывающая история, конец которой неизвестен, потому что соблазнов на пути много. Так что мало найти способного студента и по мере сил его обучить, мало дать ему роль — ему еще в голову надо вложить целый ряд положений, которые человек умом-то понимает, а сердцем, увы, не всегда. Причем на почве «восхождения» многие погибают, ибо в тот момент, когда актер становится уверенным, что он все может, все умеет, и перестает развиваться, в этот момент, по моему, он и кончается. Равно как и режиссер. В искусстве, по выражению одного замечательного писателя, можно ехать «только на ярмарку»...

— А ведь соблазнов на пути и «восхождению» у молодого актера много: кинематограф, телевидение, радио, концерты...

— Убежден: актер должен иметь все-таки один жертвенник. Это не означает, что, работая в театре, человек не имеет права выступать на ТВ или в концертах, просто я твердо должен знать, что в решающий момент жизни он выберет театр... Возвращаясь к началу вашего вопроса: часто от своих ровесников приходится слышать сетования в том духе, что «в наше время молодежь была лучше...». Не склонен разделять это мнение. Мы так говорим сейчас потому, что прошли через громадное воспитание войной, и не дай бог его иметь кому-нибудь еще. В этом испытании народ выстоял, и поэтому мы порой считаем, что были совсем другими.

— Что же, на ваш взгляд, нынешних молодых роднит с вашим поколением и что отличает?

— Роднит любопытство — качество, молодым очень свойственное. Закон развития построен на том, что молодой человек все хочет узнать сам, верит не столько объяснениям, сколько своему собственному опыту. Но каждому времени — свой уровень любопытства.

Сравнивая два поколения, я вспоминаю, например, как у нас в десятом классе появилась одна девочка в туфлях на венском каблучке: класс ахнул, считая, что произошло грехопадение. Сейчас над подобным можно только посмеяться: туалеты практически ничего не определяют. Придираться к тому, что молодежь ныне одевается ярко, а вот мы ходили в шинелях, — глупо. Да, сейчас молодые в состоянии одеваться хорошо, удобно, красиво. Но вот вопрос: почему они к этому стремятся? Если именно потому, что это хорошо, удобно, красиво, и не более того, если у тебя авто — средство передвижения, и не больше того, то ради бога: езжай на авто и гуляй в красивом костюме. Но если это — цель жизни, то тогда мы имеем дело с искривленной психологией.

Вы задумывались над тем, почему еще сравнительно недавно Александр Николаевич Островский на сценах страны отсутствовал? Я имею в виду не его «светские» пьесы — такие, как «На всякого мудреца довольно простоты» или «Без вины виноватые», — они всегда существовали. А вот, так сказать, «чистый» Островский: «Правда хорошо, а счастье лучше», «Бешеные деньги» — то есть те его пьесы, где деньги — зерно образа. Это показательно — и вот почему. Суть идеалов, которые пришли к нам вместе с Октябрьской революцией, заключалась в том числе и в презрении к деньгам. Конечно, деньги нужны, но у моего поколения они не определяли ничего. Те, кто щеголял деньгами, были изгой, и в той же Корабеле расправлялись мы с ними просто и быстро. Сейчас, увы, иные щеголяют — деньгами, хрусталем, золотом... Как ни странно, налаженный быт, который улучшает нашу жизнь, уже начинает звать Островского — может, скоро он станет главным драматургом, актуальным и репертуарным, потому что понадобятся исследования влияния накопительства на душу человека... Вот это в нынешних молодых меня тревожит...

— И наряду с этим — некая запоздалая инфантильность...

— Да, инфантильность. Причем одна инфантильность в театре тянет за собой другую. Поясню. Театральный институт этически воспитывает молодых людей по «Этике» Станиславского. Мне кажется, что здесь совершается ошибка, потому что эта «Этика» выдается ребятам как данность существующая, а статья-то написана как мечта великого реформатора о будущем театре. И ребята в результате представляют себе театр иначе, чем он существует на самом деле. Кажется, Немирович-Данченко сказал, что театр — это постоянная борьба с компромиссом. А молодые к этой борьбе подчас не готовы...

Так вот, инфантилизм для меня существует в двух лицах. Инфантилизм гражданский, когда человеку очень важно, что ОН ЕСТЬ, и совсем неважно, что происходит, скажем, в Чили или Никарагуа. (Кстати, этого инфантилизма я не обнаружил, когда несколько лет назад выезжал на БАМ. Там ребята хорошо знали, зачем, во имя чего приехали в Сибирь.) Если человек инфантилен, он не знает, и зачем вышел на сцену: так, покрасоваться... А этот гражданский инфантилизм тащит за собой как неизбежность инфантилизм творческий...

— И что же, Игорь Петрович, есть у вас рецепты от болезни по имени «инфантилизм»?

— Рецептов, наверное, существует несколько, но главное все-таки, на мой взгляд, — постараться открыть молодым людям на примере других, внешне более прозаических профессий сложность и прелесть труда. И тут у нас есть кое-какой опыт.

Прежде всего наш театр уже многие годы тесно связан с производственным объединением «Светлана». А что такое «Светлана»? Это — высокий уровень производства, это — необычайная точность операций, это — среднетехническое и высшее образование, это — молодость. Со светлановцами всех нас, и молодых артистов в том числе, связывает прежде всего хорошая человеческая дружба. Они — члены нашего худсовета, мы у них читаем пьесы, играем спектакли. Наши ребята часто бывают и на самом предприятии, и в ПТУ. И эти встречи многое им дают...

Кроме того, наши молодые артисты выступали и в Надыме, и на БАМе. Там, в тундре, в тайге, как принято говорить, в экстремальных условиях, они увидели работу грандиозную, работу высочайшего смысла. Сверстники юных актеров из Ленинграда преподали им хороший урок нравст-

венности — не случайно артисты играли для них с какой-то особой отдачей. И домой вернулись, честное слово, обновленными, повзрослевшими... Это были уже совсем не те мальчики и девочки, которые когда-то пришли на вступительный экзамен в Театральный институт...

— Известно, что ваш театр, хотя и драматический, но тем не менее один из самых музыкальных, причем часто звучат в нем и современные, модные ритмы... Что же, вы сами — тоже любитель ВИА, рока?

— Я не пропагандирую ни рок, ни ВИА и не выбираю музыку, как пишут некоторые критики, «для привлечения зрительного зала». Не я придумал «Трехгрошовую оперу», а Брехт и Вайль. Все, что там положено, наши артисты поют и танцуют, а иные критики это почему-то называют «синкопированной эротоманией». Чем, кстати, очень сильно повышают сборы: зритель хочет скорее узнать, что же это такое — «синкопированная эротомания», а потом предъявляет претензии к театру, что ничего этого у нас нет.

Считается: наш театр пропагандирует так называемую игровую манеру. Но как только произносится слово «игра», все-кто убежден, что это должно быть непременно весело, что игра — это прежде всего развлечение. Почему? Разве, например, Карпов и Каспаров (особенно в первом матче) очень уж веселились? Хотя это была Игра за мировую корону.

Еще Шекспир отметил, что все люди — актеры... И как много в нашей жизни значит музыка. Театр родился из музыки. Из скоморохов — все равно из музыки! Из религиозного действия — все равно из музыки! Потому что музыка подчеркивает самое главное — мысль. Берусь доказать, что у меня нет ни одного случая, когда музыка введена, чтобы развлекать. Например, в гельмановской «Зиннуле» исполняется песня Раймонда Паулса, которую бригада молодых девчонок-строителей поет на русский манер. Что это — желание «утеплить» производственную пьесу? Ничего подобного! Это же музыка века — хотим мы того или не хотим. Это — сегодняшний Дунаевский. И вот восемь девочек поют Паулса на четыре голоса — а-капелла, чисто...

Я не люблю грохочущей музыки. Мои современные «закидоны» не идут дальше Гладкова и Паулса. В ВИА не поют на четыре голоса. В спектакле «Высь, старичье?» по Борису Васильеву у нас идет маленький рок в тридцать два такта — что-

бы заполнить перестановки декорации. Актеры выходят из своих образов и на текст пьесы сообщают, что будет дальше. Итак, рок, но — необычный: главную тему рока исполняет... баян. Я хочу задать спектаклем вопрос: почему так трудно живется старикам? Почему на них часто никто не обращает внимания? Что — народ такой свирепый и злой? Моя версия: потому что мы не ходим, а бежим. Всего добиваемся бегом. Кто идет пешком, отстает безнадежно. Все очень торопятся... Так вот, рок, который возникает четыре раза, по тридцать два такта, почему-то приводит критиков в ярость: мол, это дано для развлечения! А это не для развлечения, это — для мысли: люди бегут! Для развлечения могу взять Михаила Боярского, который будет петь в каждом спектакле.

— Кстати, о Михаиле Боярском и его популярности: портреты артиста уже на базарных сумках. Вас это не раздражает?

— На Украине выпустили портмоне с моим фотопортретом. Для чего они это сделали, не знаю. Лично меня это шокировало, мне это не нужно. Убежден, что и Боярский согласился на подобное не давал.

— Мешает ли ему такого рода популярность как драматическому артисту?

— Думаю, что мешает. Мне кажется, что такой славы, на «мешках», он не ищет... Почему же у него такая популярность? Ведь ни Абдулов, ни Караченцов, ни даже Миронов не имеют столь громкой славы. Значит, есть в индивидуальности Боярского нечто такое, что заставило бегущих остановиться. Дело в том, что у Боярского на эстраде выигрышная тема: тема мужчины, понимающего, что у него есть сумма обязанностей, сумма дел, которые он должен совершить. Сюда входит и рыцарское отношение к женщине, к ребенку. Вот почему Михаил Боярский столь популярен. Таково же свойства, кстати, и популярность Аллы Пугачевой: она поет — наоборот — про «бабское». Ее тема: женщина в любви. Вот почему ее записи звучат повсюду — дома, на работе, в дискотеке...

— Приходилось бывать в дискотеках?

— Увы, приходилось.

— Пожалуйтесь, расшифруйте это «увы»...

— Главное ощущение: хаос, который проистекает от расщепленности. Понимаю: сам по себе хаос иногда может быть и прекрасен — если люди свободны. Но здесь они несвободны и неуправляемы. Так сказать, «самозаводка» без участия повода... Конечно, человека, воспитанного на дискотеке, привлечь в драматический театр непросто...

— О чем вы больше всего беспокоитесь, работая с молодыми?

— О том, чтобы они не потеряли обаяния молодости, так и не приобретя мастерства. И еще: в театре, чтобы «нарисовать птицу», надо иметь позицию. Надо знать: «Зачем я вышел на сцену и что такое скажу сегодня людям, чего они, может быть, до меня и не знали? А если знали, но не задумывались, то тогда, может, заставлю их задуматься? Произойдет какой-то нравственный урок, который оставит хоть маленький штрих в зрительской душе...». Если же у актера этого нет, а есть лишь желание выйти на сцену только потому, что там — свет прожекторов и все на тебя смотрят, если человеком владеет только честолюбие, он «птицы» не нарисует никогда. Между прочим эта «птица» рисуется ежедневно. Да, каждый день, до самой смерти. Потому что, если человек останавливается, «птица» улетает...

Беседу вел
Лев СИДОРОВСКИЙ

ЛЕНИНГРАД

Фото Ю. БЕЛИНСКОГО